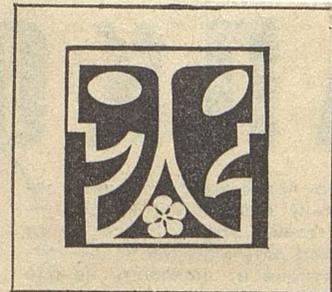

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ БЕГ ВРЕМЕНИ

ЖИЗНЕННОСТЬ ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ДРАМАТУРГИИ

Николаю Погодину нынче исполнилось бы семьдесят лет... С его именем неразрывно слита, по существу, вся история советской драматургии и театра. И по сей день лучшие произведения Погодина по-прежнему волнуют сегодняшнего читателя и зрителя, раскрывая все новые и новые грани своего идейно-художественного, нравственного потенциала, оказывая мощное воздействие на современность. С полным основанием мы называем сегодня Погодина классиком советской драматургии, а это означает не только признание тех достижений, которые были накоплены художником на главном направлении движения социалистического искусства, но и воздействие его выверенного времени опыта на литературно-художественный процесс наших дней.

Широко развернувшееся строительство промышленных гигантов закономерно вызывает к жизни все новые и новые попытки отражения этого процесса в драматургии. Перед искусством возникает целый комплекс проблем, в котором переплетаются и экономические, хозяйственные задачи производства, и социальные стимулы современного развития, и нравственные нормы эпохи научно-технической революции. И в условиях, когда драматургия (как и вообще литература) напряженно ищет свои пути и способы овладения поднятой НТР лавиной тем, проблем, конфликтов, оправданно и необходимо обращается к опыту Погодина, стоявшего у истоков тех самых «производственных» пьес, о которых сейчас так много спорят и которые при всех крайних точках зрения занимают ключевые позиции в сегодняшнем театральном репертуаре.

Думается, воздействие Погодина на современную драму должно быть осмыслено в ди-

алектическом поступательном развитии, в эволюции самого художника на путях постижения правды человеческого характера, высшим воплощением которого, как известно, явился созданный Погодиным образ В. И. Ленина. В связи с оценкой новых пьес и спектаклей на рабочую тему критики не раз вспоминали Погодина.

Конечно, проще всего увидеть и обозначить явные, заметные параллели между ранней погодинской драматургией и такими современными популярными пьесами на производственную тематику, как, например, «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Погода на завтра» М. Шатрова, «Из жизни деловой женщины» А. Гребнева, «День-деньской» А. Вейцлера и А. Мишарина и другие. Но только обратить внимание на близость некоторых идейно-художественных принципов недостаточно, ибо в таком случае аналогия теряет обязательность, констатирует простое подражание, и традиция не раскрывается в своем внутреннем содержании, в движении, определяемом потребностями времени.

Вот пример. В пьесе М. Шатрова «Погода на завтра», «репортаже с места событий в диалогах, письмах, телеграммах и других документах», легко различимо влияние погодинского «Темпа»: та же подчеркнутая хроникальность, своего рода очеркизм сценического действия, развивающегося стремительно и уплотненно; тот же метод вольной, как бы несколько небрежной многоэпизодной композиции; то же ощущение первичной, ничем не разрушаемой достоверности развертывающихся событий в процессе заводского производства. Разумеется, это только внешнее сходство. По своей сути пьесы эти различны, как и время, которое их породило. Для Погодина в 30-е годы важнее всего было показать невиданные в истории темпы социалистического строительства, когда в условиях технической отсталости приходилось делать ставку на трудовой энтузиазм первых строителей, их героические усилия. В пьесе же Шатрова передается ритм современного, технического высокооснащенного производства. Именно в этой сфере с ее особыми сложностями писатель ищет истоки драматизма, новых конфликтов. Закономерность и неизбежность возникновения преемственных связей обусловлена здесь общностью замысла и цели: оба драматурга, идя по горячим следам событий, стремились придать образное значение пестроте совершенно новых, неустоявшихся, непонятных до конца жизненных наблюдений над фактами, решающими для страны в данный момент.

Обилие информации, отобранной и осмысленной автором, несмотря на деклариру-

емую документальность, по-настоящему захватывает нас, ибо большие, кардинальные вопросы развития социалистической промышленности решаются драматургом не в сугубо технологическом плане, а преломляются через нравственные коллизии. И здесь возникает другой, едва ли не самый существенный момент в освоении погодинской традиции — проблема создания современного героического характера как новой жизненной и эстетической реальности.

Одно из решающих открытий драматургии Погодина состояло в том, что в поисках героя времени она едва ли не впервые обратилась к человеку дела и раскрыла его типический характер в трудовых отношениях людей, в процессе производства. От беглой очерковости «Темпа» и «Поэмы о тепоре» с их эскизными, намеченными лишь лунктирно образами действующих лиц Погодин стремительно шел к постижению истинного драматизма эпохи, к единому действию, сконцентрированному вокруг судьбы главного героя, к созданию психологического типа строителя нового мира.

Характера такого масштаба, как погодинский Гай в «Моем друге», героя сегодняшних волевых, интеллектуальных нравственных качеств не хватало пьесе Шатрова, как, впрочем, и многим другим современным пьесам на той же производственной основе. Каждый из героев «Погоды на завтра» несет, конечно, в себе ту или иную конкретную информацию о личности нового типа, складывающейся в условиях НТР. Но сумма односторонних характеристик, сколь бы точны они ни были, не заменит завершённый, цельный человеческий образ. Насколько все же бледнее и мельче выглядит фигура генерального директора завода в пьесе Шатрова по сравнению с погодинским Гаем, заставляющим нас и сегодня восхищаться масштабностью его деяний, ясностью перспектив, умением направить течение дел по задуманному руслу!

Один из принципиальных уроков Погодина, обращенных к современности, заключается в том, что профессия героя, его социальная принадлежность, его место в коллективе единомышленников должны осознаваться художником не как отвлеченные понятия, а как живая плоть жизни во всей его определенной личностной неповторимости. Что такое пьеса «Мой друг»? Это Григорий Гай с начала и до конца, повернутый разными сторонами в одной и той же ситуации, в столкновениях с различными людьми, с многообразным социальным окружением и при этом цельный, монолитный, последовательный, целеустремленно подчиняющий себя и свою неистощимую

энергию делу социалистического строительства. Именно в нем ярко раскрылся облик героического времени первой пятилетки, и именно он, пройдя сквозь годы, с прежней страстностью утверждает сегодня мысль о нерасторжимости разных поколений творцов нашей советской нови.

Современная драматургия плодотворно опирается на традиции Погодина в изображении коллизий нынешней жизни через нравственно-гуманистический аспект, через масштабный человеческий характер. Конечно, очень трудно уловить общее между погодинским Гаем и, например, Друяновым в «Дне-деньском» А. Вейцлера и А. Мишарина. Но за своеобразным внешним обликом, за конфликтной ситуацией, возникающей в ходе борьбы за осуществление общегосударственных задач, каждый из героев постепенно раскрывается как активный, цельный, бескомпромиссный характер.

Что объединяет эти столь не похожие друг на друга, рожденные разными эпохами характеры, что в них передается от одного к другому как эстафета? В первую очередь чувство личной, осознанной ответственности за свои решения, продиктованные не прихотью, не волей случая, а государственной необходимостью. Одним из первых Погодин воплотил в «Моем друге» совершенно новый тип конфликтной ситуации, основанной на борьбе не за своекорыстные, частные цели, а за интересы общественные, коллективные, всенародные. Ни Гай, ни Друянов не стремятся к самоутверждению, не жаждут громкой славы — оба они, одухотворенные высоким коммунистическим идеалом, хотя честно, с далеким прицелом в будущее, делают свое трудное дело. А ситуации, требующие ответственных решений, возникают сплошь и рядом, и в них испытываются не только деловые, но и нравственные качества героя.

Мы помним, что ради своевременного пуска завода Гай отступил от принципов социалистической морали и плановой экономики. Понять Гая можно, ибо в реальных жизненных обстоятельствах тех лет ему ничего другого не оставалось для решения объективно непосильной задачи. Труднее понять Друянова: какие бы серьезные помехи ни осложняли его работу директора, ни препятствовали борьбе за технический прогресс, все же на сегодняшней высоте, достигнутой социалистическим обществом, победа любой ценой не должна лишаться своего высшего нравственного смысла, иначе она перестает быть победой.

Поверка Друянова погодинским Гаем обнаруживает оп-

ределенную духовную ущербность, неполноценность современного драматического героя. Дело не в том, что практически стал преобладающим параметром внутреннего облика Друянова. Новизна эпохи НТР в том и заключается, что герой мыслит теперь категориями деловой целесообразности, что его идеал сегодня — конкретная высокоорганизованная работа, сочетающаяся с перспективным, лишенным узкого деловитости взглядом на пути развития социалистического производства.

Но у Гая есть то, чего не хватает не только Друянову, но и инженеру Чешкову («Человек со стороны» И. Дворецкого), и героям в «Погоде на завтра», и молодому командиру стройки Алексею Горяеву из «Автограда-XXI» Ю. Визбора и М. Захарова, и другим современным персонажам, — у него есть душевность, чуткость, постоянная контактность с людьми.

Этой контактности, общительности, этого стремления войти в душевный мир людей не чувствуется у сегодняшних героев-рационалистов, верящих только в конкретное дело; они действуют словно бы в вакууме, в одиночку, уповая в основном на собственные силы, подавляя окружающих жесткостью, напористостью и потому встречая с их стороны больше сопротивления, нежели поддержки своим прогрессивным начинаниям. Понятно, что человеческий тип, выражающий идеи научно-технического прогресса, идеи экономической реформы, находится в движении и еще далек от завершенности, но тем внимательнее и глубже драматургам надлежит исследовать новое в жизни производственных коллективов, в их нравственном климате и уж во всяком случае не пытаться возводить в абсолют сугубый прагматизм как определяющую черту современного «делового человека». Творческое осмысление опыта Погодина здесь намного полезнее и эффективнее, чем слепое повторение контуров одного, пусть даже и удачно найденного, характера. А опыт Погодина убеждает в том, что подлинный облик героического строителя коммунизма раскрывается только в органическом сочетании национально-го, практического начала и высоких душевных качеств, личной ответственности и коллективизма, заложенного в природе социалистического общества. Глубокое проникновение в жизнь, современность позиции, художественная выскателность — залог успешного постижения драматургами актуальных проблем действительности, создания убедительного и жизненного портрета героя нашей эпохи.

Б. БУГРОВ,
кандидат филологических наук.